

Глава 6

Лу Янь стоял перед ростовым зеркалом. Отбросив в сторону очередную вещь, он схватил телефон и нажал на «принять».

— Чем ты там занимаешься? — раздался в трубке голос Цзинь Фэйфэй. — Еле дозвонилась.

— Выбираю одежду на вечер.

На том конце воцарилось молчание.

— Если мне не изменяет память, — медленно проговорила Фэйфэй, — сейчас восемь утра. А встреча у вас в шесть вечера.

— Знаю, — отозвался Лу Янь. — Я просто... немного нервничаю.

— Немного? — Фэйфэй тяжело вздохнула. — Похоже, у тебя там не на шутку разыгрался мандраж. Ладно, сейчас приеду, помогу тебе выбрать. С тебя стакан соевого молока.

— Договорились. Спасибо.

Когда Лу Янь открыл дверь, Цзинь Фэйфэй, несмотря на многолетнюю привычку, на миг замерла: на неё буквально обрушился «Бай Муюнь». Взгляду негде было упасть, кроме как на фотографии Киноимператора.

Стены гостиной были заклеены плакатами, повсюду стояли ростовые фигуры, на диванах теснились подушки разных размеров с его портретами. Куклы, значки, открытки — в этом доме собрался весь мерч, который когда-либо выпускался. Лу Янь не позволял себе упустить ни одной мелочи, связанной с кумиром.

Устроившись на диване, Фэйфэй прихлёбывала молоко и наблюдала, как Лу Янь, не выпуская соломинку изо рта, яростно сражается на «передовой» фан-сообщества, отбивая атаки хейтеров на Бай Муюня.

— Ты уверен, что мне не стоит идти с тобой?

Лу Янь на мгновение замешкался.

— Он расстроится, если увидит тебя.

— И ради кого я, по-твоему, стала такой занозой в его глазах? — фыркнула Фэйфэй.

— Прости.

— Мне не нужны твои извинения, — она снова вздохнула. — В нашей троице никто ни перед кем не виноват. Я просто переживаю. Вдруг он скажет что-то резкое? Вдруг обидит тебя?

Лу Янь отложил телефон и серьёзно посмотрел на неё:

— Всё в порядке. Я готов выслушать от него что угодно.

Он выдержал паузу и добавил:

— Моя болезнь прошла. Правда. К тому же, со мной будет учитель Ся.

— Раз ты так говоришь, мне остаётся только смириться, — Фэйфэй сдалась и невесело улыбнулась.

Лу Янь допил молоко и поманил её в гардеробную.

— Как думаешь, что лучше: это? Или это? А может, вот это? — он начал прикладывать к себе по очереди три разных наряда.

— Знаешь... по-моему, всё отлично!

И это не было дежурным комплиментом. У Лу Яня всегда был превосходный вкус, он умел подбирать стильные вещи. Да и с его статью и правильными чертами лица испортить образ было сложно — на нём любая одежда сидела как влитая.

Лу Янь нахмурился.

— Ну правда, хорошо же! — Фэйфэй впервые в жизни почувствовала себя типичным мужчиной, которого затащили на шоппинг.

Лу Янь повесил одежду обратно.

— Может, мне всё-таки купить что-нибудь новое?

— Думаешь, стоит?

— Определённо. Эти вещи я уже надевал, они... несвежие. Пойдём, пройдемся по магазинам!

— Что? Прямо сейчас?!

Вместо ответа Лу Янь решительно натянул куртку.

Лента новостей Бай Муюня (скрыто от всех, кроме близких друзей):

«Вопрос: что надеть на встречу с бывшим, которого не видел двенадцать лет?»

Комментарии:

Чу Цзяньцин: «Надень зелёное».

Чу Цзяньцин: «Дай угадаю, этот пост вижу только я?»

Чу Цзяньцин: «Есть вопросы — пиши в личку, нечего тут ленту засорять».

Спустя пару секунд после последнего комментария в мессенджер пришло сообщение.

Бай Муюнь: Что думаешь?

Чу Цзяньцин: Думаю глазами. Что, идёшь на свидание с тем своим «преданным фанатом»?

Бай Муюнь: Заткнись. С чего ты взял, что я иду именно к нему?

Бай Муюнь: И вообще, он, может, давно от тебя отписался. Тоже мне, преданный фанат.

Чу Цзяньцин: У тебя других бывших нет, так что гадать не пришлось. И вообще, Киноимператор, ревновать к парню, с которым расстался двенадцать лет назад — это мощно. Горжусь тобой.

Бай Муюнь: Ха-ха. Стал бы я ещё из-за него ревновать.

Чу Цзяньцин: Ладно-ладно, не ревнуй — так не ревнуй. Но, зная твой гардероб, советую идти нагишом.

Бай Муюнь: Чёрт, вот выложу нашу переписку, пусть твои фанаты узнают, какой ты на самом деле ядовитый. Мигом разбегутся.

Чу Цзяньцин: Тогда вместе и пойдём на пенсию. Ты — скромный, тихий и интеллигентный Бай Муюнь, и я.

Бай Муюнь: Эх...

Чу Цзяньцин: А Лу Янь сейчас на хайпе. У него уже и фан-клубы появились, и штабы по борьбе с анти-фанатами. А всё из-за того случая на премии. Настоящий «эффект разорвавшейся бомбы».

Чу Цзяньцин: К тому же, они там в трендах с Чу Лианем висят. Ты в курсе?

Чу Цзяньцин: У них уже и фан-база совместная есть, и контент бодрый. Я заглядывал в их сообщество — фанфики, видео... Весьма недурно сделано, с огоньком.

Чу Цзяньцин: Посмотрел фото Лу Яня. Он и правда чертовски хорош. Не ожидал, что у меня есть такие фанаты с божественной внешностью.

Чу Цзяньцин: Жаль только, что он по женщинам.

Бай Муюнь: Ты задолбал! У тебя совесть есть? Твои подписчики в курсе, что ты вместо того, чтобы постить в Weibo, сидишь сутками в сети и следишь за чужими фан-домами?

Бай Муюнь: Занимаешься ерундой, шпионишь под фейками! Ты песни писать собираешься или как?!

Чу Цзяньцин: Я хотя бы изредка подаю признаки жизни. А ты? За три месяца ни слова, два года не снимаешься. Ушёл в монастырь в прямом эфире. Твои фанаты, небось, уже план перехвата готовят, чтобы заставить тебя работать.

Бай Муюнь: Хех. «Музыкальный гений, прославившийся в юности».

Чу Цзяньцин: Ха. «Самый молодой легендарный Киноимператор в истории».

Бай Муюнь:.

Чу Цзяньцин:.

Бай Муюнь: Кинь ссылку на то видео из их сообщества.

Чу Цзяньцин: Это называется «Chulu CP». Не дам, а то ещё лопнешь от зависти.

Бай Муюнь: И не надо.

Чу Цзяньцин: Вернёмся к делу.

Бай Муюнь: К какому ещё делу?

Чу Цзяньцин: Стоит ли тебе надевать всё зелёное и вешать на голову рога перед встречей с бывшим.

Бай Муюнь: Да пошёл ты!

Чу Цзяньцин: Я-то пойду, но я хотя бы не веду себя как капризная девчонка.

Бай Муюнь: Кто бы говорил.

Зазвонил телефон. Чу Цзяньцин ответил:

— Мне пойти с тобой? А то ты как-то подозрительно струсил.

Бай Муюнь промолчал, а затем тяжело выдохнул:

— Я просто боюсь... боюсь, что не сдержусь и ударю его. Не хотелось бы завтра попасть в криминальную хронику.

Чу Цзяньцин развалился в кресле на балконе и усмехнулся:

— И что, рука поднимется?

Он вытянул длинные ноги и продолжил:

— Помнишь нашу первую встречу? Пляжный бар в S-сити. Ты тогда только-только расстался с Лу Янем.

— Ты был в хлам. Рыдал навзрыд перед первым встречным, то есть мной. Телефон свой в море выкинул. Я тогда всерьёз подумал, что ты без него дышать не сможешь.

— Прошло столько лет. Ты — Бай Муюнь, и жизнь твоя бьёт ключом. Я думал, ты давно оставил всё это в прошлом. Но, кажется, я ошибался.

Бай Муюнь начал было:

— Я на самом деле... — но осёкся.

На самом деле — что? Действительно ли он оставил Лу Яня и те двенадцать лет в прошлом? Забыл? Смирился?

Он горько улыбнулся. Он не мог обмануть Чу Цзяньцина, который знал его как облупленного, а себя — и подавно. Почти двенадцать лет жизни рука об руку. Двенадцать лет, когда в его мире существовали только бабушка и Лу Янь.

— Слушай своё сердце, — негромко произнёс Чу Цзяньцин. — Помнишь, что ты сказал мне после того землетрясения, когда чудом выжил? Жизнь одна, и нужно быть честным с самим собой. Делать то, что хочешь. А если предавать себя в угоду обстоятельствам, то и жить незачем.

— Если всё ещё ненавидишь его — ненавидь. Не нужно притворяться, что тебе всё равно.

— Если не можешь забыть — признай это. Не строй из себя свободного и независимого.

— И если... — Чу Цзяньцин сделал паузу и чуть тише добавил: — Если ты всё ещё его любишь — признайся в этом хотя бы себе. Не стыдись того, что ведёшь себя как влюблённый дурак. Ты и есть дурак, это медицинский факт. Смирись.

— И плевать, что он тебя бросил. Плевать, что он теперь якобы по женщинам.

— Ты не можешь вернуть прошлое, но ты волен любить и ненавидеть здесь и сейчас. В конце концов, в мире полно людей с разбитыми сердцами, одним больше — какая разница. И преданных дураков, которые любят вопреки всему, тоже хватает. Ты не одинок в своём безумии.

— Сам ты дурак... — буркнул Бай Муюнь.

Чу Цзяньцин усмехнулся:

— Как скажете, господин Маленький Чёрный Пёс.

— Иди ты... — Бай Муюнь снова вздохнул. — Ладно, я тебя понял.

— Вот и отлично. На сегодня сеанс психотерапии от доктора Чу окончен. Спокойной ночи.

— Тот текст для песни, который ты просил... я, наверное, задержу.

— Что?! Опять просрочишь дедлайн?!

— Влюблённому дураку нужно время, чтобы подумать о жизни. Спокойной ночи.

— Бай Муюнь, ты, сволочь!..

Звонок оборвался. Чу Цзяньцин пару секунд сверлил взглядом телефон, а затем открыл чат и разразился тирадой в адрес «одного Погрузчика». Выпустив пар, он наконец успокоился.

Глядя на далёкие звёзды, он пробормотал себе под нос:

— Ну и что же подскажет сердце нашему Маленькому Чёрному Псу?

Бай Муюнь и Хуа Ваньцин вошли в отдельный кабинет ресторана, нацепив безупречные профессиональные улыбки. Бай мгновенно оценил обстановку: в комнате были только Лу Янь и Ся Эръя.

На Лу Яне было тёмно-синее пальто, серый джемпер и такой же шарф. Высокий, стройный, он казался воплощением спокойствия и мягкости. Кожа его была бледнее обычного, почти прозрачной, а светло-карие глаза сияли той же чистотой, что и раньше, сохраняя в глубине что-то детское и невинное.

Он словно совсем не изменился. Был точь-в-точь тем юношей из далёкого прошлого.

— Здравствуйте, учитель Ся, — Бай Муюнь первым делом обменялся рукопожатием со старшим коллегой.

— Привет, привет, Сяо Бай! Давненько мы не виделись, — улыбнулся Ся Эръя.

— Это верно. Рад, что сегодня выпал шанс поужинать с вами, нам есть что обсудить.

Бай Муюнь перекинулся с учителем парой вежливых фраз и только после этого изобразил, что заметил стоящего рядом Лу Яня.

— Здравствуйте, режиссёр Лу. Рад знакомству. Надеюсь на ваше покровительство, — он протянул руку, слегка улыбнувшись.

Хуа Ваньцин, беседовавшая с Ся Эръя, краем глаза напряжённо следила за каждым жестом этих двоих.

— Здравствуйте, учитель Бай. Взаимно.

Лу Янь вложил свою ладонь — сухую, несмотря на недавнее волнение, — в руку Бая и вежливо улыбнулся.

— Эй, вы что, так быстро нашли общий язык? — Ся Эръя со смехом разнял их руки и подтолкнул к столу. — Не стоит так долго здороваться. Садитесь.

Некоторое время за столом шла светская беседа, звенели бокалы, и лишь после этого разговор перешёл к делу.

Всё это время Бай Муюнь и Лу Янь безупречно играли свои роли: один — дружелюбный актёр, другой — корректный режиссёр. Они вели себя так естественно, что Хуа Ваньцин начала сомневаться — не пригрезилось ли ей признание Бая об их непростом прошлом?

— Сяо Бай, ты знаешь, наш проект давно ждёт твоего участия. Ваньцин сказала, что ты отказался, и мне очень жаль. Хотелось бы понять причину — возможно, нам стоит обсудить условия ещё раз? — начал Ся Эръя.

— Режиссёр Лу, как вы думаете, почему я отказался? — Бай Муюнь перевёл взгляд на Лу Яня. Ся Эръя и Хуа Ваньцин тоже замерли в ожидании ответа.

Лу Янь спокойно встретил его взгляд и мягко улыбнулся:

— Не знаю. Может быть, дело в сценарии? Или у вас есть сомнения во мне и моей команде?

— Давай так, Сяо Бай, ты вообще читал сценарий? — спросил Ся Эръя.

— Пока нет.

Хотя по дороге Хуа Ваньцин вкратце пересказала ему суть.

— Хм? — Ся Эръя был искренне удивлён. Отказаться, даже не заглянув в текст — это было совсем не в духе того Бай Муюня, которого он знал.

Старший режиссёр не стал допытываться, а просто протянул папку:

— Тогда взгляни прямо сейчас. Уверен, эта история тебя зацепит.

Прошло двадцать минут.

Бай Муюнь закрыл сценарий и тихо выдохнул. Учитель Ся был прав: если судить только по материалу, проект был блестящим. Будь на месте режиссёра кто-то другой, Бай согласился бы не раздумывая — даже если бы не хватало бюджета, он бы сам инвестировал в фильм или урезал гонорар.

Но была одна проблема. Режиссёром был Лу Янь.

Его аура выбивала его из колеи, а совместная работа означала, что им придётся проводить вместе дни и ночи.

С Лу Янем он никогда не умел разделять личное и профессиональное.

<http://bllate.org/book/18159/1752019>